

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение

высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Института права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Допустимость и относимость доказательств в уголовном процессе»

Студент

Е.М. Сорокин

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, М.Ю. Жирова

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021

Росдистант

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННО

Аннотация

Актуальность темы исследования обусловлена неустоявшейся практикой судопроизводства, многочисленными дополнениями и изменениями уголовно-процессуального законодательства, острыми творческими дискуссиями по различным вопросам использования доказательств в уголовном процессе.

Объектом исследования являются совокупность общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства, возникающая в ходе осуществления уголовно-процессуального доказывания, нормативные положения, раскрывающие сущность, понятие и место доказательств в системе уголовно-процессуального доказывания, регламентирующие признаки допустимости, относимости, достоверности и достаточности уголовно-процессуальных доказательств.

Предметом исследования выступают нормативные положения закона о понятии доказательств, их классификации, видах и их реализации в уголовно-процессуальной деятельности

Целью работы является комплексное исследование основных положений, характеризующих порядок доказывания в уголовном судопроизводстве, выявления проблем правоприменительной практики, а также определение основных направлений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Для достижения поставленной цели поставлены **следующие задачи**: рассмотреть определение понятия доказательств в науке уголовно-процессуального права и законодательстве; представить классификацию и виды доказательств в уголовном процессе; обозначить допустимость как свойство доказательств; определить относимость как свойство доказательств; выделить проблемные вопросы свойств доказательств в уголовном процессе; выделить проблемы института недопустимости доказательств в уголовном процессе.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Понятие доказательств в уголовном процессе	7
1.1 Определение понятия доказательств в науке уголовно-процессуального права и законодательстве.....	7
1.2 Классификация и виды доказательств в уголовном процессе	20
Глава 2 Свойства доказательств	36
2.1 Допустимость как свойство доказательств	36
2.2 Относимость как свойство доказательств.....	45
Глава 3 Актуальные проблемы относимости и допустимости доказательств	49
3.1 Проблемные вопросы свойств доказательств в уголовном процессе	49
3.2 Проблемы института недопустимости доказательств в уголовном процессе	54
Заключение	59
Список используемой литературы и используемых источников	63

Введение

Актуальность исследования. Российская Федерация – правовое, социальное, демократическое государство. Оно призвано обеспечить легитимными мерами верховенство закона, реализацию прав и свобод личности, а, следовательно, гарантировать их защиту. Это правило закреплено в части 2 статьи 50 Конституции Российской Федерации, согласно которой: «При осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона».

Анализ источников показывает, что проблемы доказательств в уголовном процессе достаточно широко освещается в научной литературе и в правоприменительной практике. Это определяется исключительной важностью и актуальностью данной проблемы. Но относительное обилие литературы, посвященной проблемам использования доказательств, ни в коей мере не снимает актуальность исследуемой проблемы.

Актуальность темы исследования обусловлена неустоявшейся практикой судопроизводства, многочисленными дополнениями и изменениями уголовно-процессуального законодательства, острыми творческими дискуссиями по различным вопросам использования доказательств в уголовном процессе.

Таким образом, перечисленные обстоятельства определили выбор темы исследования, актуальность работы, объект и предмет исследования, постановку цели и задач, требующих решения, а также научно-прикладное значение.

Объектом исследования являются совокупность общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства, возникающая в ходе осуществления уголовно-процессуального доказывания, нормативные положения, раскрывающие сущность, понятие и место доказательств в системе уголовно-процессуального доказывания, регламентирующие

признаки допустимости, относимости, достоверности и достаточности уголовно-процессуальных доказательств.

Предметом исследования выступают нормативные положения закона о понятии доказательств, их классификации, видах и их реализации в уголовно-процессуальной деятельности

Целью работы является комплексное исследование основных положений, характеризующих порядок доказывания в уголовном судопроизводстве, выявления проблем правоприменительной практики, а также определение основных направлений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Для достижения поставленной цели поставлены **следующие задачи:**

- рассмотреть определение понятия доказательств в науке уголовно-процессуального права и законодательстве;
- представить классификацию и виды доказательств в уголовном процессе;
- обозначить допустимость как свойство доказательств;
- определить относимость как свойство доказательств;
- выделить проблемные вопросы свойств доказательств в уголовном процессе;
- выделить проблемы института недопустимости доказательств в уголовном процессе.

Методологической основой работы стали общие (формально-юридический, системно-структурный подход, анализ и синтез, абстрагирование, обобщение, и др.) и специальные (систематический, сравнительно-правовой, формально-логический, исторический) методы познания.

Теоретическую основу исследования составили научные труды Н.В. Азаренка, О.Я. Баева, А.А. Бессонова, В.В. Виноградова, А.П. Гурьянова, Н.А. Гусейнова, И.В. Елинского, В.И. Зажицкого, В.Н. Исаенко и др.

Нормативную основу исследования составили: Конституция РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Федеральный закон РФ от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», указы Президента РФ, Постановления Правительства РФ, ведомственные акты МВД России и др.

Эмпирической основой работы послужили материалы правоприменительной, в том числе судебной, практики. Исследованы судебные акты высших судов, судов округов, апелляционной и первой инстанции системы судов общей юрисдикции.

Теоретическая значимость и практическая ценность выполненного исследования определяется комплексным уголовно-процессуальным, обоснованием института доказательственного права, в совокупности с применением практических знаний, а также выводы, которые возможно применить при преподавании дисциплин уголовно-правового цикла.

Структура работы обусловлена предметом, целями и задачами исследования и включает в себя введение, две главы, объединяющие шесть параграфов, заключение, список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Понятие доказательств в уголовном процессе

1.1 Определение понятия доказательств в науке уголовно-процессуального права и законодательстве

Центральным понятием доказывания является понятие доказательств. Несмотря на то, что по сложившейся традиции в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации это понятие закреплено, нужно понимать, что появилось оно в законе совершенно не спонтанно [5, с. 19].

Ныне закрепленное понятие доказательств по уголовному делу - это результат эволюции науки уголовного процесса в течение многих десятилетий, а поэтому изучение развития научной мысли по поводу понятия доказательства - это одновременно и изучение того понятия, которое сейчас сформулировано законодателем.

Вообще в науке уголовного процесса понятие доказательств является одним из самых востребованных. Работа над уяснением его содержания началась еще во второй половине XIX в. и не закончена до настоящего времени. При этом, стоит повториться, данный процесс нельзя рассматривать дискретно, это единый поступательный процесс накопления и трансформации знаний об исследуемом явлении, который в настоящий момент выражается в понятии, данном в ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [17, с. 67].

Первый этап в развитии понятия уголовно-процессуальных доказательств можно датировать весьма протяженным периодом с 60-х годов XIX в. по 30-е годы XX в. Сразу следует обратить внимание, что господствующее представление о доказательствах по уголовному делу данного периода оказалось настолько живучим, что в равной степени воспринималось учеными-процессуалистами царской России и раннего периода развития советского уголовного процесса [17, с. 80].

Имеет смысл привести понятие доказательств, которое было дано одним из столпов уголовно-процессуальной науки того периода. А.Я. Вышинским в его работе 1941 г. «Теория судебных доказательств в советском праве». По его мнению, доказательствами следует считать «...обычные факты, те же совершающиеся в жизни явления, те же вещи, те же люди, те же действия людей. Судебными доказательствами они являются лишь постольку, поскольку они вступают в орбиту судебного процесса, становятся средством для установления интересующих суд и следствие обстоятельств, для решения интересующих суд и следствие вопросов» [11, с. 72].

Это мнение имеет сторонников и в современный период. Так, А.Р. Белкин в одной из своих работ утверждает, что: «Судебные доказательства - это и есть факты обыденной жизни, которые становятся судебными доказательствами только в установленном законом порядке и только в силу их связи с тем явлением, событием, фактом, которые составляют предмет не любого, а именно судебного исследования» [5, с. 53].

Проще говоря, доказательство - это всего лишь некий факт, при помощи которого можно установить другой факт, подлежащий доказыванию. При этом доказывание, как нетрудно догадаться, - это обычный логический процесс, процесс оперирования установленными фактами, ничем не отличающийся от познавательного процесса, осуществляемого в других сферах, в том числе и в обыденной жизни. Уголовно-процессуальным этот процесс познания становится только в силу того, что субъект доказывания - это лицо, ведущее производство по уголовному делу - суд, следователь или дознаватель.

Такая «обыденность» приведенного мнения дала возможность некоторым авторам назвать данное мнение «донаучной (архаической)» точкой зрения, с чем согласиться нельзя. С учетом того, что у данного мнения имеются современные сторонники, это уже не позволяет отнести это мнение к архаике [4, с. 54].

Итак, почему эта точка зрения подверглась достаточно резкой критике на рубеже 40-50-х годов XX в. и в конечном итоге сошла со сцены, не найдя

воплощения в законе? Ответ на этот вопрос найти достаточно просто. Для разобравшихся с вопросом о сущности уголовно-процессуального доказывания, думается, этот ответ очевиден. Оперировать фактами можно только в рамках логической мыследеятельности, а соответственно, данное мнение полностью отвергает или не уделяет какого-либо внимания практическому доказыванию, что автоматически порождает целый ряд проблем, не разрешимых в рамках этой теории [16, с. 105].

Во-первых, если доказательства рассматривать исключительно как некие факты, при помощи которых устанавливаются другие факты, не совсем понятно происхождение этих фактов — средств доказывания. Они откуда появляются, как и кем устанавливаются? В этой теории на данный вопрос ответа не найти.

Далее, во-вторых, если доказательствами считать факты, совсем непонятна логика прямого доказывания (подробный разговор о нем и косвенном доказывании будет ниже). Хорошо, когда имеется некий набор фактов, которыми можно логически оперировать как обстоятельствами, имеющими значение для уголовного дела для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. А если таких обстоятельств нет? Если непосредственно получена какая-либо информация, уличающая обвиняемого в совершении преступления (например, те же признательные показания), то где доказывание и что является доказательством в этом случае? Информация - это не факт, это сведения о нем. А получаемый факт - виновность в совершении преступления - это не средство доказывания, это его результат.

Выходит, в этом случае вообще нет доказательств, а следовательно, нет и доказывания. Парадокс, иначе эту ситуацию не назовешь.

Ну и наконец-то, о чем уже шла речь выше. Логическое познание - неотъемлемая часть доказывания по уголовному делу, но оно практически не поддается нормативному регулированию, а поэтому если уголовно-процессуальное доказательство - это факт, то и доказывание не процессуально, что тоже, как можно догадаться, неверно ни с какой точки зрения.

Законодатель того периода признавал это и определял доказательства по уголовному делу совсем по-другому. Так, статья 58 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 г. под доказательствами понимала показания свидетелей, заключения экспертов, вещественные доказательства, протоколы осмотров и иные письменные документы и личные объяснения обвиняемого, то есть совсем не то, над чем работала научная мысль.

Соответственно, уже к началу 20-х годов XX в. в советском уголовном процессе сложилась странная ситуация - наука и законодатель совершенно по-разному понимали доказательства в уголовном процессе.

Сейчас также законодатель и наука иногда очень существенно расходятся в некоторых вопросах. Но возникшее в то время противоречие, которое обсуждается в данном случае, имело совсем другой концептуальный системообразующий характер. По сути, наука доказательствами признавала совершенно не то явление, которое закреплялось в законе [21, с. 29].

Реакцией на сложившуюся ситуацию стала появившаяся в 40-50-е годы XX в. «двойственная теория доказательств». Она явилась своеобразным компромиссом между нарождающейся теорией, которая на многие годы вперед определит направление развития законодательства по вопросу определения понятия доказательств по уголовному делу, и «фактической теорией» доказательств [7, с. 110].

Согласно положениям этой теории, факты по-прежнему рассматривались в качестве доказательства, однако помимо них (оттого теория и получила название «двойственной») доказательствами признавались и источники сведений об этих фактах.

Стоит привести пример для упрощения понимания. Так, по уголовному делу об убийстве было установлено, что смерть потерпевшего наступила в результате причинения ему многочисленных колото-резаных ран. В данной логической конструкции факт причинения потерпевшему ран, повлекших его смерть, - доказательство факта его смерти. Однако источником сведений об

этом факте стали, например, протокол осмотра трупа и заключение судебного медика-эксперта, составленное по результатам экспертизы.

Соответственно, что нужно рассматривать как очень большой шаг в науке уголовного процесса, доказательством должен быть признан не только сам факт наличия ран (доказательственный факт в терминологии сторонников этого мнения), но и протокол осмотра трупа, и заключение судебно-медицинской экспертизы (источники сведений о факте).

Одним из самых видных представителей «двойственной» теории Доказательств и «по совместительству» одним из ее разработчиков был выдающийся советский ученый-процессуалист М.С. Строгович [37, с. 14].

Данная теория разом решила многие логические проблемы, которыми «страдала» фактическая теория доказательств. В частности, сразу стало понятно, откуда берутся факты-доказательства - из источников сведений о них. Частично разрешился и вопрос с прямым доказыванием, то есть эта теория объясняла, каким образом осуществляется доказывание, сведения о факте непосредственно указывают на обстоятельство, подлежащее доказыванию, что не могло быть разрешено раньше [37, с. 50].

Правда, здесь по-прежнему существовала некая логическая «натяжка» — по логике «двойственной» теории доказывание могло осуществляться и с привлечением доказательств-фактов, при косвенном доказывании, и без них, только при помощи сведений о фактах, - при прямом доказывании.

Однако самой большой проблемой «двойственного» подхода к доказательствам по-прежнему являлось недостаточное (если не совсем отсутствовавшее) внимание к уголовно-процессуальной форме сведений о фактах.

В основе этой позиции лежит положение о том, что доказательствами по уголовному делу следует признавать только сведения о преступлении (в предыдущем варианте закона - «фактические данные»), которые необходимо рассматривать в единстве их информационного содержания (сведений о

преступлении) и уголовно-процессуальной формы (источника доказательства) [37, с. 81].

«Доказательственные факты» же доказательствами в прямом смысле этого термина признать нельзя в силу принципиальной невозможности их процессуального регулирования. Они должны рассматриваться как средства логического доказывания обстоятельств преступления, используемые при косвенном доказывании.

Итак, понятие доказательств по уголовному делу необходимо рассматривать в неразрывной связи содержания и уголовно-процессуальной формы.

Такой подход к рассмотрению доказательства сформировался не сейчас. Свой отсчет данная точка зрения ведет с 60-х годов XX в., то есть с того самого момента, когда на законодательном уровне было закреплено понятие доказательств, данное в ст. 69 Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР 1960 г. Оно во многом стало прообразом того понятия, которое дано уголовно-процессуальным доказательствам в ныне действующем законе (ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), а поэтому имеет смысл рассмотреть и то понятие, которое формулировал предыдущий закон.

Так, согласно ст. 69 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, доказательствами по уголовному делу признавались любые «фактические данные, на основании которых в определенном законе порядке орган дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела [30].

Эти данные устанавливаются показаниями свидетеля, показаниями потерпевшего, показаниями подозреваемого, показаниями обвиняемого, заключением эксперта, актами ревизий и документальных проверок, вещественными доказательствами, протоколами следственных и судебных действий и иными документами».

Статья 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на первый взгляд практически не отличается от вышеприведенного положения Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Согласно данной норме закона, доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

В качестве доказательств допускаются:

- показания подозреваемого, обвиняемого;
- показания потерпевшего, свидетеля;
- заключение и показания эксперта;
- заключение и показания специалиста;
- вещественные доказательства;
- протоколы следственных и судебных действий;
- иные документы.

Следует обратить внимание: и в том, и в другом случае понятие доказательств построено логически из двух частей. Единственное, что более позднее понятие однозначно определяет принадлежность категорий, закрепленных второй частью данного понятия, к доказательствам, прямо указывая, что доказательства - это не только «любые сведения», но и показания, заключения, вещественные доказательства, протоколы, иные документы [33, с. 221].

В понятии Уголовно-процессуального кодекса РСФСР это сказано в более мягкой, обтекаемой форме: доказательства - это «фактические данные», а показания, заключения, протоколы, документы - это нечто, при помощи чего устанавливаются обстоятельства преступления.

Эта обтекаемость формулировки и являлась причиной, по которой споры о понятии доказательств в уголовном процессе в 60-70-е годы XX в. Достигли своего пика.

Кроме того, что очевидно, понятия прошлого и нынешнего закона отличаются друг от друга и категориями «фактические данные» и «любые сведения», использованными при формулировке первой части понятия, что также не случайно. Но обо всем по порядку.

Принимая логику современного законодательства, доказательства по уголовному делу в общем виде можно определить как сведения о преступлении, полученные и используемые в соответствующей уголовно-процессуальной форме.

В данном понятии одна часть отражает содержательную, информационную сторону доказательства, то есть сведения, и это явно следует из ч. 1 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, другая часть - формальную, уголовно-процессуальную составляющую доказательства, и это то, что сформулировано в ч. 2 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, то есть показания, заключения, вещественные доказательства, протоколы, иные документы [43].

При этом нужно понимать, что одна составляющая понятия доказательства неотрывна от другой. Нельзя признать доказательствами какие-либо сведения, если они не соответствуют уголовно-процессуальной форме, равно как и нельзя признать доказательством идеально оформленные сведения, которые не способны что-либо доказать или опровергнуть по уголовному делу.

Следует рассмотреть эти составляющие. Начать, естественно, нужно с содержательного элемента, то есть со сведений о преступлении. Все-таки доказательство - это в первую очередь средство познания, а потому его информационное содержание - это то, что определяет его использование по уголовному делу.

Закон в настоящей его редакции использует категорию «любые сведения», что несколько его отличает от предшествующего закона, который формулировал понятие доказательств, опираясь на категорию «фактические данные». Между ними есть определенная разница [40, с. 170].

В принципе категории «сведения» и «данные» можно рассматривать в качестве синонимов. Тем более что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации активно использует обе эти категории. Так, например, при формулировании фактических оснований принятия некоторых решений по уголовному делу, для принятия которых не требуются исключительно доказательства, законодатель использует категорию «данные».

В качестве примера можно привести норму ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, согласно которой основанием для возбуждения уголовного дела являются данные, указывающие на признаки преступления:

- норму ст. 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, согласно которой недопустимо разглашение данных предварительного расследования;
 - норму ст. 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации — основанием производства обыска является наличие достаточных данных, позволяющих полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела, и др.
- [36].

Следовательно, рассматривая соотношение категорий «сведения» и «данные», можно констатировать, что законодатель использует их как специальное и общее понятие для обозначения фактического основания принятия того ил и иного решения. Категория «сведения» характеризует исключительно доказательства, а поэтому, когда законодатель допускает для принятия решения использование как доказательственного, так и иного фактического материала, он использует категорию «данные».

Например, с учетом того, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации допускает при принятии решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в этом использовании как данных, полученных

в результате осуществления некоторых следственных действий, допущенных до возбуждения уголовного дела (то есть доказательств или сведений), так и иных данных, полученных вне процессуальной формы (например, результатов оперативно-розыскной деятельности), он при формулировании ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации использует общую категорию «данные» [25, с. 4].

В другом же случае, когда законодатель для принятия решения требует наличия исключительно доказательств, он прямо использует данную категорию, как это, например, указывается в ст. 171 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации при формулировании оснований привлечения лица в качестве обвиняемого [35].

По своей сути категории «сведения» и «данные» также идентичны. При взаимодействии человека с объектами материального мира, явлениями, другими людьми, как результат этого взаимодействия, вследствие отражения в сознании человека формируется некий образ. Этот образ и есть сведения (или данные) — основа для построения логического вывода о наличии или отсутствии того или иного обстоятельства [21, с. 29].

Можно привести простейший пример. Очевидец преступления, взаимодействуя на чувственном уровне с событием преступления, отражает его в своем сознании, формируя образ случившегося. Таким образом, он становится носителем сведений о преступлении, то есть сформированного в сознании образа увиденного. Эти сведения в дальнейшем могут быть получены субъектом доказывания путем производства следственного или судебного действия и стать содержательной основой доказательства.

В принципе по такой же схеме формируются сведения при взаимодействии события преступления с объектами материального мира. В результате этого взаимодействия материальный объект претерпевает определенные изменения, отражая на себе некоторые свойства события преступления. Таким образом, формируются сведения — материальные следы

преступления, которые также в дальнейшем являются информационным содержанием вещественных доказательств [19, с. 89].

Под сведениями о преступлении следует понимать идеальные образы, сформированные преступлением или его элементами в сознании участников, очевидцев преступления или субъектов или участников доказывания по уголовному делу, а также материальные следы взаимодействия события преступления с объектами материального мира.

Итак, в целом категории «данные» и «сведения» идентичны по своей познавательной природе. Но, формулируя действующий закон, законодатель отказался от принципиального указания на то, что получаемые по уголовному делу должны иметь фактический характер («фактические данные»), указав, что доказательством могут быть «любые сведения».

Таким образом, как верно отмечал К.К. Якимович, законодатель: «...поставил точку в споре о понятии доказательства. В части 1 статьи 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации прямо указано, что доказательствами являются не фактические данные... а сведения о фактах. Отсюда следует, что при признании тех или иных сведений доказательствами не следует оценивать их достоверность и считать доказательствами только достоверные сведения» [44, с. 221].

Это означает, что если по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации доказательствами могли быть исключительно данные, отражающие достоверно существовавшую объективную (фактическую) действительность, то теперь в качестве доказательств принимаются любые сведения, в том числе и те, которые являются объективно недостоверными. Решение об их достоверности принимается в конечном итоге судом, который при постановлении приговора должен указать, почему он одни доказательства счел достоверными, а другие - нет, но это не исключает их из совокупности доказательств, и они могут быть исследованы вышестоящим судом [16, с. 29].

Например, в уголовном деле фигурируют два заключения эксперта, противоречащих друг другу. Очевидно, что как минимум одно из них не

достоверно. Если ранее суд должен был, оценив эти доказательства, отвергнуть недостоверное заключение и это исключало его дальнейшее исследование в вышестоящем суде, то теперь вывод суда о недостоверности такого заключения эксперта, сделанный в первой инстанции, вовсе не исключает его исследования вышестоящим судом в апелляционном, кассационном или даже надзорном порядке.

Таким образом, внутреннюю содержательную сторону доказательства могут составлять любые сведения о преступлении. Единство содержательного и формального элементов в доказательстве означает, что эти сведения не могут существовать в иных формах, нежели чем показания, заключения, вещественные доказательства, протоколы и иные документы.

Данные категории также можно в узком смысле, применительно к форме доказательств именовать видами доказательств, так как сведения о преступлении могут в уголовном процессе существовать только в таком виде. В познавательном же смысле показания заключения, вещественные доказательства, протоколы и иные документы рассматривать как источники доказательств, то есть то, из чего можно получить доказательства по уголовному делу [19, с. 75].

В этом смысле категорию «источник доказательства» нельзя путать с категорией «источник сведений о преступлении». Источник сведений о преступлении - это тот непосредственный носитель сведений о преступлении, от (или из) которого получают сведения о преступлении.

Например, очевидец преступления - это носитель сведений о преступлении, а поэтому он - это источник сведений о нем. В ходе допроса очевидца преступления в качестве свидетеля следователь, дознаватель или суд получают от него показания, и показания - это уже источник (или вид) доказательств по уголовному делу, который позволяет использовать сведения о преступлении в доказывании по уголовному делу.

Если говорить о вещественных доказательствах, сам предмет - носитель следов преступления - нужно рассматривать в качестве источника сведений о

преступлении, который после его трансформации в вещественное доказательство, то есть приобщения к материалам Дела, становится источником доказательств, то есть тех сведений, которые можно использовать в доказывании по уголовному делу [19, с. 110].

Соответственно изложенному, уголовно-процессуальную форму доказательства можно определить как установленную уголовно-процессуальным законом совокупность условий, соблюдение которых позволяет использовать сведения в доказывании по уголовному делу.

Условия, которые были упомянуты в предложенном понятии, можно свести к четырем группам.

Доказательствами могут быть только те сведения, которые были получены надлежащим субъектом - следователем, дознавателем, принявшим уголовное дело к своему производству, уполномоченным ими лицом (например, сотрудником органа дознания по поручению следователя) в ходе досудебного производства или судом, рассматривающим уголовное дело, - в судебных стадиях [3, с. 111].

Доказательства могут быть получены только из надлежащего источника, то есть только из показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста, заключений эксперта или специалиста, вещественных доказательств, протоколов следственных и судебных действий, иных документов.

Получены доказательства, могут быть только теми средствами и способами, которые указаны в законе, то есть путем производства следственных и иных процессуальных действий.

Доказательства должны быть удостоверены в надлежащих уголовно-процессуальных формах, коими являются протоколы, заключения и постановления.

1.2 Классификация и виды доказательств в уголовном процессе

Классификация - это один из способов приведения к системе исследуемого явления, объекта или категории. В самом общем виде классификацию можно представить в виде их систематизации по определенным основаниям с выделением классов и групп [7, с. 115].

От данного способа систематизации следует отличать другую ее разновидность, основанную на выявлении родовидовых связей в исследуемом явлении, категории или объекте.

Так, в частности, А.Р. Белкин предпринял попытку классифицировать доказательства по их источнику на показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста, заключения эксперта и специалиста, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий и иные документы [5, с. 19].

Авторы работы «Теория доказательств в советском уголовном процессе» назвали это основание более точно с методологической точки зрения - «деление по видам», так как источники доказательств - это и есть их виды в узком процессуальном значении.

Выходит, попытка классификации по источникам - это «классификация по видам», а это нонсенс; способы систематизации по схеме класс - группа и род - вид - это различные по своей логике процессы.

Таким образом, в качестве традиционных оснований классификации доказательств далее будут использоваться четыре: по механизму формирования: по отношению к предмету доказывания; по отношению к первоисточнику; по отношению к обвинению. Хотя нужно сразу уточнить: классификация, как и любой другой вид систематизации, — это процесс творческий и, если классификация не имеет нормативной основы, то совершенно свободный.

Соответственно, вполне вероятно, в литературе может встретиться еще целый ряд классификаций, да и при определенной «гибкости ума» каждый

может классифицировать доказательства по своему основанию. Следовательно, данный набор оснований классификации доказательств имеет не исчерпывающий, а чисто условный характер.

Итак, по механизму формирования доказательства можно разделить на две группы: личные и вещественные доказательства.

Данное основание классификации имеет самую древнюю историю, так как доказательства-предметы известны еще из самых древних правовых памятников. В то же время, несмотря на традиционный, даже местами несколько архаичный характер, эта классификация по-прежнему продолжает вызывать вопросы. В частности, однозначно не решен вопрос о самом основании классификации, так как некоторые авторы в качестве него рассматривают некий «носитель информации» [44].

То есть если носитель информации определен, значит, это вещественное доказательство, а если доказательство «находится» в сознании человека — значит оно является личным.

На самом деле все не так. В уголовном процессе все носители процессуальной информации являются предметными. Те же показания никогда не фигурируют в производстве по делу в виде чего-то беспредметного. Показания всегда определены в виде протокола допроса или протокола судебного заседания. Вне его показания - это всего лишь сведения о преступлении, но не доказательства [6, с. 56].

Таким образом, в основании рассматриваемой классификации должен лежать не носитель информации, а механизм формирования доказательства, который в принципе уже известен.

Как уже было озвучено выше, событие преступления в период своего существования взаимодействует как с сознанием своих участников и очевидцев, так и с объектами материального мира. Кроме того, в ходе производства по делу следы преступления взаимодействуют с сознанием субъектов и участников доказывания по уголовному делу. Характер этого

взаимодействия и предопределяет, личным или вещественным является доказательство [4, с. 54].

Итак, личным доказательством является любое доказательство, сформированное в результате отражения события преступления и его элементов в сознании участников, очевидцев события преступления, субъектов или участников доказывания по уголовному делу.

Соответственно, вещественным доказательством является любое доказательство, которое сформировано в результате материального взаимодействия, то есть взаимодействия, произошедшего между событием преступления и объектами материального мира.

Если с рассмотренной конструкцией соотнести все виды доказательств, предусмотренные законом, можно прийти к достаточно определенному выводу — личными доказательствами, в трактовке ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, являются все виды доказательств, кроме собственно вещественных доказательств (п. 4 ч. 1 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) [43].

Целесообразно пояснить данное положение, которое на первый взгляд выглядит весьма странно. Дело в том, что терминологически названия группы и вида доказательств совпадают. Обе эти категории носят название «вещественное доказательство», но суть их совершенно различна. В литературе были попытки назвать группу доказательств, сформированных в результате материального взаимодействия, «вещными доказательствами», дабы развести ее с нормативным названием вида доказательств - вещественными доказательствами [40, с. 170].

Однако это название - «вещные доказательства» - не получило распространения по причине своего неблагозвучия. А поэтому в дальнейшем видится верным использовать единообразный термин, поясняя, о чем - о виде или группе доказательств - идет речь.

Итак, как уже определено выше, все виды доказательств, кроме вещественных, формируются в результате идеального взаимодействия

события преступления с сознанием человека. Рассмотреть этот тезис можно на нескольких примерах. Обычно не вызывает каких-либо сомнений, что личными являются показания всех.

Показаниями являются сведения, сообщенные на допросе, а поэтому очевидно, что носителем этих сведений является человек, взаимодействовавший с событием преступления, его элементами или иными фактами, имеющими значение для уголовного дела, отразивший их в своем сознании, вследствие чего были сформированы их образы, то есть сведения о преступлении. Затем в ходе допроса эти сведения в вербальной форме передаются субъекту доказывания и фиксируются в протоколе допроса [34, с. 95].

Примерно так же формируются и такие доказательства, как протоколы и иные документы. Только в этих случаях сведения, полученные судом, следователем, дознавателем или составителем иного документа, минуя этап вербальной передачи какому-либо субъекту, непосредственно фиксируются в письменной или иной форме и приобщаются к материалам уголовного дела.

Не так очевидна личная природа заключения эксперта или специалиста. Действительно, зачастую и тому и другому участнику уголовного судопроизводства приходится иметь дело с предметами, несущими на себе следы преступления.

Однако сам предмет, признанный вещественным доказательством, и заключение эксперта или специалиста - это совершенно разные доказательства, и если предмет - вещественное, то заключение - это личное доказательство. Логика здесь примерно такова. Эксперт или специалист воспринимают какой-либо материальный объект, а также результаты его исследования (например, химические процессы, происходящие с веществом в ходе химического анализа) отражают их в своем сознании, формируя сведения, и в вербальной форме фиксируют их в уголовно-процессуальном документе - заключении [34, с. 98].

В отличие от личных доказательств, которые не упомянуты каким-либо образом в законе, категория вещественных доказательств имеет нормативную природу. В частности, ст. 81 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации дает перечень тех предметов, которые могут быть признаны вещественными доказательствами. Это, в частности [43]:

- предметы, которые служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления или сохранили на себе следы преступления;
- предметы, на которые были направлены преступные действия;
- деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления;
- иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела.

Особую сложность для трактовки представляет четвертая группа предметов. Если предшествующие ей группы упоминают о конкретных предметах, которые должны быть признаны вещественными доказательствами и практически не дают возможности для расширительного толкования, то к четвертой группе отнесена неопределенная совокупность предметов и, что еще более усложняет понимание, документов [40, с. 169]

Хотя выше уже было указано, что документы - это личные доказательства. Усложняют отграничение личных и вещественных доказательств друг от друга еще и положения некоторых норм уголовно-процессуального закона.

Так, в частности, ч. 2 ст. 84 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации устанавливает, что документы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде. К ним могут относиться материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в

порядке, установленном Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Соответственно, определить сейчас вид доказательства только по внешним признакам (документ - это всегда бумажный носитель, а вещественное доказательство - это предмет) нельзя. В настоящее время закон вполне допускает принятие в качестве документов материалы, содержащиеся на фото-, кино-, видео пленке, различных цифровых электронных носителях и даже на жестких компьютерных дисках [31, с. 113].

С другой стороны, ч. 8 ст. 166 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации устанавливает, что все фотографические негативы и снимки, киноленты, диапозитивы, фонограммы, кассеты, чертежи, планы, схемы, слепки и оттиски следов, выполненные в ходе производства следственного действия, а также электронные носители информации, полученной или скопированной с других электронных носителей информации в ходе производства следственного действия, прилагаются к протоколу следственного действия, то есть являются его неотъемлемой частью и не могут рассматриваться в качестве самостоятельного вещественного доказательства.

Следовательно, в основе определения того, что в каждом конкретном случае считать вещественным доказательством, а что документом или частью протокола следственного действия, должен лежать не внешний признак - носитель информации, а его внутреннее качество - существо сведений, которые содержит данное доказательство.

Для определения сути того или иного фигурирующего в деле документа, вне зависимости от его носителя, как личного или вещественного доказательства, необходимо разобраться, каким образом сформировалась та или иная информация в (или на) документе. Если документ сам непосредственно взаимодействовал с событием преступления в том или ином качестве, очевидно, что этот документ - вещественное доказательство. Если же документ является всего лишь носителем неких сведений, отраженных в

сознании составителя документа, этот документ - самостоятельный вид доказательства [33, с. 223].

Опираясь на изложенное, к вещественным доказательствам можно отнести следующие документы [34, с. 98]:

- документы, являвшиеся частью обстановки совершения преступления и несущие на себе следы преступления. Например, с места происшествия был изъят документ, отпечатанный на листе лощёной бумаги, несущий на себе следы пальцев рук обвиняемого; на письме, изъятых с места происшествия, имеются мазки и подтеки крови потерпевшего, и др.;
- документы, являвшиеся предметом, на которые были направлены преступные действия, такие как, например, поддельный паспорт или удостоверение сотрудника правоохранительного органа, изготовленные в целях их сбыта;
- документы, являвшиеся средством совершения преступления.

Например, поддельный паспорт, товарная накладная, банковский вексель и др., использовавшиеся для совершения мошенничества.

По отношению к предмету доказывания доказательства могут быть прямыми и косвенными.

Рассматриваемое классическое основание деления доказательств в своей основе отражает логику доказывания и отношение того или иного доказательства к обстоятельствам, подлежащим доказыванию, то есть к предмету доказывания.

В своей логической части данная классификация не имеет существенных различий в трактовке. Большинство авторов под прямыми доказательствами понимает доказательства, непосредственно указывающие на обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу. А под косвенными — доказательства, которые указывают на обстоятельства, подлежащие доказыванию, опосредованно, то есть через иные обстоятельства,

которые подлежащими доказыванию не являются и в производстве по делу выполняют вспомогательную роль [41, с. 94].

В данном случае намеренно не используется нормативная терминология, но, вероятно, и так ясно, что понимание прямых и косвенных доказательств находится в зависимости от того, каким образом исследователь воспринимает предмет доказывания.

Стоит напомнить, что по этому поводу в науке имеется два мнения. Условно одно из них было выше названо «широким», а другое — «нормативным». Соответственно, приверженцы первого подхода, выделяющие в структуре предмета доказывания «главный» и «вспомогательные» факты, в качестве прямых доказательств рассматривают только те доказательства, которые непосредственно устанавливают «главный» факт.

Все остальные доказательства в их представлении — это косвенные доказательства, используемые для установления этих «вспомогательных» фактов. С учетом также и того, что обычно под «главным» фактом понимается виновность лица в совершении преступления, наличие события преступления, совершение преступления и его совершение обвиняемым, прямыми доказательствами являются Доказательства, непосредственно устанавливающие эти обстоятельства. К числу косвенных доказательств отнесены все остальные доказательства [36, с. 67].

Как представляется, ни о каком «главном» факте в структуре предмета доказывания вести речь нельзя. Закон достаточно четко разграничил нормативно установленную группу обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, и группу иных обстоятельств, которые доказыванию не подлежат, но в том или ином качестве используются как средство логического доказывания, которые законом отнесены к обстоятельствам, имеющим значение для уголовного дела [8, с. 89].

В соответствии с данной позицией и законом, прямыми можно считать такие доказательства, которые непосредственно указывают на наличие или

отсутствие любого обстоятельства, указанного в ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Например, такими доказательствами можно считать документ, удостоверяющий личность обвиняемого; его признательные показания; показания очевидца или потерпевшего, прямо указывающие на причастность или, наоборот, непричастность лица к совершению преступления; заключение эксперта, прямо указывающее на то, что по обстоятельствам случившегося лицо не могло сознавать общественной опасности своего деяния и наступления тех последствий, которые наступили, а также руководить своими действиями; справка о наличии судимости; свидетельство о рождении с указанием обвиняемого в качестве родителя несовершеннолетнего и др. [31, с. 113].

Косвенными доказательствами здесь, следовательно, необходимо считать доказательства, которые указывают на любое другое обстоятельство, не упомянутое в ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, но имеющее то или иное значение для дела.

Такие доказательства присутствуют в любом уголовном деле, и их количество значительно превосходит количество прямых доказательств. Примером косвенного доказательства можно рассматривать заключение эксперта о причинах смерти потерпевшего, в частности, вследствие причинения огнестрельного ранения.

Само по себе это доказательство ничего не доказывает, кроме отдельного факта - потерпевший скончался в силу огнестрельного ранения. Каким образом это ранение было получено: в силу преступных действий, несчастного случая или самоубийства, кто виновен в причинении этого ранения - на все эти вопросы заключение эксперта прямо не отвечает [33, с. 223].

Однако если в ходе производства по уголовному делу иными доказательствами будут установлены иные факты, подтверждающие факт умышленного причинения смерти потерпевшему путем причинения ему

огнестрельного ранения определенным лицом, заключение эксперта можно будет рассматривать как косвенное доказательство виновности. Теорией и правоприменительной практикой разработан ряд «правил работы» с косвенными доказательствами, то есть условий, наличие которых позволяет придать косвенным доказательствам доказательственное значение.

Итак, во-первых, косвенные доказательства не могут быть использованы изолированно друг от друга. Доказательственное значение они имеют только в совокупности друг с другом. Так, например, след пальцев рук обвиняемого на орудии преступления ни о чем не говорит, кроме того факта, что обвиняемый держал орудие преступления в руках.

Если следователю не удастся собрать ряд доказательств, подтверждающих, что данное орудие обвиняемый мог держать только при совершении преступления - само орудие, след пальцев рук обвиняемого на нем, заключение эксперта о тождестве следов пальцев рук на орудии преступления и папиллярного узора пальцев рук обвиняемого, его виновность подтвердить не смогут [32, с. 30].

Во-вторых, ряд имеющихся косвенных доказательств, очевидно, указывает на наличие ряда фактов, имеющих значение для дела, которые должны составить внутренне непротиворечивую совокупность. Если в этой совокупности хотя бы одно из доказательств указывает на наличие факта, противоречащего остальным, субъект доказывания должен опровергнуть его другими доказательствами, иначе вся цепь доказательств должна быть признана недоброкачественной.

И, наконец, в-третьих, цепь обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, полученная при помощи совокупности косвенных доказательств, логически должна приводить к единственному выводу. Это условие логично вытекает из предыдущего. Если совокупность полученных косвенных доказательств внутренне не противоречива, она приводит к единственному выводу. При наличии в этой совокупности хотя бы одного

доказательства, содержание которого противоречит остальным, таких выводов всегда несколько, как минимум два.

По отношению к первоисточнику. Данное основание классификации не следует путать с таким предлагаемым некоторыми авторами основанием, как отношение доказательств к источнику доказательств. Выше уже приводились аргументы, почему такое основание для классификации доказательств использовать нельзя. Здесь основанием классификации является не отношение доказательства к своему источнику, а его отношение к первоначальному источнику сведений о преступлении. В зависимости от этого основания все доказательства можно разделить на первоначальные и производные [21, с. 29].

Первоначальными здесь являются доказательства, полученные непосредственно от первоначального носителя этих сведений. Так, первоначальными доказательствами являются показания участников или очевидцев события преступления, данные ими непосредственно о тех обстоятельствах, участниками или очевидцами которых они были; подлинники заключения эксперта или специалиста, протоколов, иных документов, приобщенных к уголовному делу в качестве доказательств. Являются первоначальными и большинство вещественных доказательств [20, с. 106].

Таковыми, например, можно считать орудие преступления, предметы, использованные в качестве орудий, средств совершения преступления, предметы, непосредственно составлявшие материальную обстановку совершения преступления, предметы, на которые было направлено совершение преступления, другие предметы и документы, непосредственно взаимодействовавшие с событием преступления.

Производными, соответственно, следует считать доказательства, полученные из последующих, то есть производных по отношению к первоначальным, источников сведений о преступлении.

В качестве производных можно рассматривать показания, данные с чьих-то слов, то есть лицами, которые сами участниками или очевидцами

преступления не являлись, а получили информацию от них или лиц, которые сами о событии преступления узнали от кого-то.

В качестве производных обычно рассматриваются и надлежащим образом заверенные копии документов, заключений, протоколов. Самым спорным в науке являлся вопрос о возможности использования в уголовно-процессуальном доказывании производных вещественных доказательств [20, с. 109]. Однако, учитывая современную трактовку закона, которая допускает использование в качестве доказательств не только предметов, непосредственно задействованных в событии преступления и несущих на себе следы преступления, но и любых других предметов и документов, при помощи которых можно установить обстоятельства преступления, можно констатировать, что дискуссия по данному вопросу исчерпана.

В качестве производных можно использовать такие вещественные доказательства, которые представляют собой слепки, оттиски, отпечатки, модели и др. от предметов, непосредственно задействованных в событии преступления.

Думается, что вполне очевидным является и главное правило работы с производными доказательствами - они могут использоваться только при условии подтверждения их первоисточника. Причем этот процесс не всегда так прост и прямолинеен, как это может показаться на первый взгляд.

Подтверждение первоисточника показаний означает, что субъект доказывания проверяет содержание этих показаний и подтверждает их происхождение от определенного источника и его достоверность. В буквальном смысле это означает, что лицо, в своих показаниях сославшееся на получение информации от какого-то другого лица, не может сослаться на слухи, догадки, предположения. Оно должно точно указать, от кого и при каких обстоятельствах получило эту информацию, а субъект доказывания, в свою очередь, обязан предпринять меры по подтверждению этого.

Наиболее простым и в то же время самым действенным способом подтверждения является установление места нахождения первоисточника

информации и его допрос об обстоятельствах, прозвучавших в проверяемых показаниях. Однако очевидно, что это не всегда возможно. И более того, если есть возможность непосредственно допросить лицо - первоисточник информации, вряд ли стоит придавать особое значение показаниям лица, передающего информацию «из вторых рук» (хотя и игнорировать ее тоже не стоит). Использование таких показаний оправдано как раз в тех случаях, когда доступ к первоисточнику доказательств отсутствует [19, с. 95].

Следовательно, даже в тех случаях, когда непосредственно допросить носителя первоначальной информации не представляется возможным, от производных показаний отказываться не нужно. Прозвучавшие в них сведения могут быть проверены и другим путем.

Несколько иначе выглядит подтверждение источника производных документов и вещественных доказательств. Так, если в материалах уголовного дела фигурирует копия какого-либо официального документа, то его первоисточник обычно считается подтвержденным при наличии всех установленных реквизитов данного документа либо указания на надлежащее ее заверение.

Если субъект доказывания имеет дело с копией неофициального документа либо копией документа, способ заверения которого сомнителен, проверка его первоисточника может осуществляться путем выяснения того, кем был составлен данный документ, его вызова и допроса об обстоятельствах его составления [16, с. 51].

Подтверждение источника происхождения производных вещественных доказательств обычно не представляет особых проблем. Достоверным считается источник происхождения такого производного вещественного доказательства, которое было обнаружено, изъято и приобщено к материалам дела в точном соответствии с требованиями закона и рекомендациями криминалистической техники.

Так, при обнаружении следов пальцев рук на предмете, который не может быть непосредственно изъят и приобщен к материалам дела,

следователь или дознаватель обязан изъять след с места его обнаружения путем изготовления его отпечатка. Для этого обычно приглашается специалист, который, пользуясь соответствующей методикой и техническими средствами, изымает след в виде отпечатка и упаковывает его.

Следователь или дознаватель должны зафиксировать факт изъятия в протоколе следственного действия, в ходе которого это произошло, дать описание следа в протоколе, указать, где был обнаружен след, и по возможности произвести его фотографирование с приложением отпечатка следа и фото-таблицы к протоколу следственного действия. При выполнении всех указанных условий и, разумеется, процессуального порядка производства самого следственного действия первоисточник вещественного доказательства — отпечатка пальцев рук будет считаться установленным [12, с. 3].

По отношению к обвинению. В зависимости от данного основания все доказательства можно разделить на обвинительные и оправдательные. В прежнее время определение понятия этих обстоятельств представляло известную сложность по той причине, что легальное определение обвинения отсутствовало, поэтому каждый исследователь определял понятие обвинительных доказательств, исходя из своего видения того, что такое обвинение. А учитывая при этом, что определение понятия защиты находится в прямой зависимости от того, как определено обвинение, это сказывалось и на расхождении в определении понятия оправдательных доказательств. Сегодня задача значительно упрощена [42, с. 294].

Согласно пункту 22 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, обвинение - это утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Соответственно, обвинительные доказательства можно определить как доказательства, положенные стороной обвинения в обоснование этого утверждения [43].

На первый взгляд определить понятие оправдательных доказательств несколько сложнее, но это обманчивое впечатление. Несмотря на то, что в законе нет понятия защиты, эту деятельность логично рассматривать как противоположность обвинению, а поэтому защиту можно определить как вид деятельности по опровержению утверждения о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутого в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации [1, с. 31].

Правда, тут есть небольшая тонкость. В отличие от деятельности по установлению виновности лица в совершении преступления, которая носит цельный характер, деятельность по защите, если так можно выразиться, является многоуровневой. Имеет смысл пояснить, что это означает. При доказывании обвинения субъект доказывания устанавливает его как цельное утверждение, включающее в себя как основной тезис о виновности, так и обстоятельства, отягчающие наказание, при их наличии. Думается, очевидно, что если основной тезис о виновности не подтвержден, доказывать обстоятельства, отягчающие наказания, глупо.

Обвинение всегда носит цельный характер и устанавливается как единое утверждение. Иначе обстоит дело с защитой. Да, основной уровень защиты представляет собой деятельность по опровержению обвинения. Но даже если это не удалось или для этого вообще не было предпосылок в силу доказанности обвинения, защита может осуществляться на другом уровне - установление обстоятельств, смягчающих наказание или влекущих освобождение от уголовной ответственности. Более того, даже при вынесении обвинительного приговора защита может настаивать на наличии обстоятельств, влекущих освобождение от уголовного наказания. И это еще один ее уровень [1, с. 39].

Следовательно, оправдательными можно считать доказательства, которые направлены на опровержение обвинения, установление смягчающих

наказание обстоятельств, а также обстоятельств, которые могут повлечь освобождение от уголовной ответственности или наказания.

Рассматриваемое качество доказательств, их обвинительный или оправдательный характер — это их объективное качество, устанавливаемое по итогам оценки доказательства. При этом необходимо учитывать, что обвинительным или оправдательным оно является применительно к конкретному лицу, так как одно и то же доказательство по отношению к разным лицам может быть одновременно и обвинительным, и оправдательным [3, с. 114].

Единственно, каким не может быть доказательство, это нейтральным. Нейтральное доказательство — это доказательство, которое не обладает свойством относимости, оно не может использоваться в доказывании.

Итак, подводя итоги теоретической главе данного исследования, обозначим следующие выводы.

Под доказательствами в уголовном процессе следует понимать любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, полученные в виде: показаний подозреваемого, обвиняемого; показаний потерпевшего, свидетеля; заключения и показаний эксперта; заключения и показаний специалиста; вещественных доказательств; протоколов следственных и судебных действий и иных документов.

Глава 2 Свойства доказательств

2.1 Допустимость как свойство доказательств

Как известно, под свойствами понимают некие неотъемлемые качества какого-либо объекта или явления, в отсутствие которых они меняют свою сущность.

Вопрос о том, каким свойствам должно отвечать уголовно-процессуальное доказательство, не решен на законодательном уровне, а поэтому он совершенно по-разному решается в науке уголовного процесса.

Так, например, Ю.К. Орлов предлагает в качестве таких свойств рассматривать относимость, допустимость, достоверность, силу (значимость) и достаточность. Некоторые ограничиваются только относимостью, допустимостью, достоверностью и достаточностью [29, с. 90].

В. Будников предлагает рассматривать три свойства доказательств: относимость, допустимость и достоверность [9, с. 22].

Думается, что в силу современных положений ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации ни та, ни другая точки зрения не могут быть рассмотрены как верные. В первую очередь следует остановиться на достоверности [43].

Учитывая, что законодатель рассматривает теперь в качестве доказательств не фактические данные, а любые сведения о преступлении, говорить о свойстве достоверности применительно к доказательствам нельзя.

В качестве доказательств в настоящее время принимаются и достоверные, и недостоверные сведения.

Достоверность в этой связи должна рассматриваться не как свойство (то есть неотъемлемое качество), а как критерий оценки доказательств, производимой в первую очередь судом, а несколько раньше на предварительном уровне — следователем или дознавателем. Так что в современной трактовке закона вполне приемлем термин «недостоверное

доказательство», то есть доказательство, которое в ходе проверки не получило подтверждения. Тогда как термины «не относимое» или «недопустимое» доказательства — это алогизмы, так как то, что не относимо или не допустимо для доказывания, — это не доказательство.

Согласно ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, перечисленных в ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [43].

Нельзя рассматривать в качестве свойств доказательств и юридическую силу и достаточность.

Достаточность вообще свойство, никакого отношения к каждому конкретному доказательству не имеющее, это качество, присущее совокупности доказательств. Именно совокупность доказательств оценивается как достаточная или недостаточная для принятия решения.

Достаточность же каждого конкретного доказательства — это словесная формула, которая выглядит как минимум странно. Не может являться отдельным свойством доказательств и такая категория, как юридическая сила доказательства. Как представляется, это не что иное, как комплексный результат оценки свойств доказательства. Если доказательство является относимым и допустимым, значит, оно обладает юридической силой, в обратном случае — оно юридически ничтожно.

Соответственно изложенному, в качестве свойств доказательств следует рассматривать только два: относимость и допустимость доказательств.

В литературе, да и в практической среде, бытует мнение, что если относимость представляет собой свойство содержания доказательства, то допустимость — это формальное свойство, то есть свойство, характеризующее внешнюю уголовно-процессуальную сторону доказательства. И в целом это верно. Но это слишком упрощенный подход. Нельзя отрицать связи допустимости с содержанием доказательств [26, с. 54].

По сути, допустимость — это пригодность доказательства для его использования в уголовно-процессуальном доказывании с точки зрения источника доказательства, средств и методов его обнаружения, получения и закрепления, то есть его процессуальной формы.

Одна из сторон назначения уголовно-процессуальной формы доказывания лежит на поверхности - она является существенной гарантией прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Но не только для этого она существует.

Являясь, с одной стороны, важнейшей уголовно-процессуальной гарантией, с другой - процессуальная форма - это средство обеспечения достоверности содержания доказательств.

Рассмотреть это можно на простейшем примере. Участие понятых в производстве следственных действий - это, безусловно, элемент уголовно-процессуальной формы. Согласно закону, понятой - это не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, привлекаемое дознавателем, следователем для удостоверения факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результатов следственного действия [28, с. 46].

Соответственно, закон, прямо описывая роль понятого в производстве следственного действия, рассматривает его участие как средство обеспечения достоверности (удостоверения результатов), а уже это одновременно и гарантия прав подозреваемого, обвиняемого, иных участников производства по уголовному делу.

Следовательно, говорить о том, что допустимость исключительно формальное свойство - это значит упрощать реальную картину вещей. Правильнее допустимость было бы определить как свойство доказательства, состоящее в соответствии доказательства закрепленным в уголовно-процессуальном законе условиям, обеспечивающим гарантии прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и достоверность его содержания.

Допустимость — это достаточно традиционное свойство доказательств для российского уголовного процесса. Так, еще статья 59 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 г. устанавливала, что порядок собирания, хранения и рассмотрения вещественных доказательств и письменных документов определяется правилами, установленными уголовно-процессуальным законом, хотя прямо о категории допустимости не упоминала [38, с. 95].

Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. также прямо не употреблял термина «допустимость», однако в ч. 3 ст. 69 устанавливал, что доказательства, полученные с нарушением закона, признаются не имеющими силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу [37, с. 43].

В общем-то, если говорить буквально, категория «допустимость» не используется законом до сих пор, однако, в отличие от предыдущих законов, в Конституции Российской Федерации и Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации применяется категория «недопустимое доказательство» (ст. 50 Конституции Российской Федерации и ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Это не оговорка: в настоящее время «допустимость» - это конституционное свойство доказательств по уголовному процессу [23].

В обоснование доказанности вины осужденного В. в покушении на незаконный сбыт наркотических средств положены доказательства, полученные с нарушением закона, а потому приговор суда в части его осуждения по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, не отвечает требованиям ст. 297 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о законности, обоснованности и справедливости.

Названные нарушения уголовно-процессуального и уголовного закона, в силу ч. 1 ст. 401.15 Уголовно-процессуального кодекса Российской

Федерации, являются основаниями изменения приговора, заключающегося в отмене приговора в части осуждения В. по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, с прекращением производства по делу в указанной части, за отсутствием в его деянии состава преступления, с признанием за ним права на реабилитацию [2].

Кроме того, о допустимости речь идет и в ч. 3 ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в которой прямо сказано, что нарушение норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации судом, прокурором, следователем, органом дознания, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания или дознавателем в ходе уголовного судопроизводства влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств [43].

Согласно статье 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которая носит название «Недопустимые доказательства»: «Доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных статьей 73 настоящего Кодекса» (то есть обстоятельств, подлежащих доказыванию) [43].

Соответственно от обратного, можно констатировать, что допустимым доказательством по уголовному делу являются доказательства, полученные в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Допустимое доказательство - это доказательство, обладающее юридической силой, что означает, что данное доказательство может быть положено в основу обвинения и доказывания любого из обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

В системе с требованиями ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации можно определить также и круг субъектов, на которых

распространяются требования соблюдать закон при получении доказательства [43].

Очевидно, что этими субъектами являются государственные органы и должностные лица, ведущие производство по уголовному делу - суд, прокурор, следователь, орган дознания, его начальник, начальник подразделения дознания, дознаватель.

Теперь нужно разобраться, что означает соответствие доказательства уголовно-процессуальному закону, то есть при каких условиях доказательство должно быть признано допустимым. В этом помогут некоторые положения, уже изученные выше, при исследовании понятия доказательства.

Следует напомнить, там были рассмотрены составляющие уголовно-процессуальной формы (вкратце - субъект, источник, порядок получения, оформление). Если следовать им, доказательство допустимо, когда [20, с. 106]:

- оно получено надлежащим субъектом;
- оно получено от или из надлежащего источника;
- оно получено установленными законом способом и порядком;
- результаты получения доказательства надлежащим образом оформлены.

Хоть допустимость и характеризует уголовно-процессуальную форму доказательства, но формального отношения к себе не терпит. Еще раз стоит напомнить, что допустимость - это лишь средство обеспечения прав участников уголовного судопроизводства и достоверности доказательств.

Допустимость - это не самоцель. В ходе производства по уголовному делу обеспечивают допустимость не просто ради ее обеспечения, а для реализации ее назначения. Хотя в науке было высказано очень спорное мнение, которое как раз рассматривало допустимость как самоцель, в отрыве от познавательной цели доказывания по уголовному делу [19, с. 76].

Если протокол осмотра или обыска составлен с нарушениями закона, то предметы и документы, полученные в ходе следственного действия, а также все производные от них доказательства должны признаваться

недопустимыми, независимо от того, нарушался закон при приобщении этих материалов или нет.

Думается, что подобный формализм сам по себе не несет никакой пользы. Он только вредит производству по делу, являясь ярким проявлением формальной истины в уголовном процессе. Получается, здесь не процедура работает на уголовный процесс, а цели уголовного процесса подчинены процедуре [12, с. 4].

Допустимость нужна и важна, что уже не раз подчеркивалось. Но нарушение нарушению рознь, и каждое нарушение подлежит оценке со стороны суда, что прямо закреплено законом в ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которая обязывает суд оценивать не только относимость, достоверность или достаточность доказательств, но и допустимость каждого доказательства в отдельности [19, с. 77].

Именно оценивать, а не принимать решение автоматически в случае любого нарушения закона. Положенные в основу обвинительного приговора доказательства, в том числе результаты оперативно розыскной деятельности, отвечают критериям относимости и допустимости, в соответствии со смыслом требований ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [43].

Оснований для признания их в силу требований ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации недопустимыми доказательствами у суда не имелось, и доводы жалобы в этой части являются несостоятельными. Проанализировав и оценив доказательства в их совокупности, суд сделал правильный вывод о доказанности виновности осужденных.

Опираясь на изложенное, следует рассмотреть, какие именно нарушения могут повлечь признание доказательств недопустимыми. Статья 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в своих положениях предусматривает два специально оговоренных безусловных основания, в силу

которых могут быть признаны недопустимыми показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля.

Безусловность этих оснований означает, что при их наличии суд обязан без каких-либо оговорок и условий признать эти показания не соответствующими закону и исключить из материалов дела. По сути, в этих положениях предусмотрен исчерпывающий перечень оснований, когда суд действительно действует формально, не оценивая допустимости.

Итак, согласно закону безусловно недопустимыми доказательствами являются [21, с. 29]:

- показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде;
- показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности.

Во всех остальных случаях, когда вопрос о недопустимости решается в отношении иного доказательства, полученного с нарушениями требований Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, нарушение подлежит оценке на предмет его существенности.

Здесь, в свою очередь, возникает следующий вопрос: какие нарушения следует признавать существенными, а какие - нет? Учитывая свободу в оценке доказательств как основополагающего положения в деятельности суда, естественно, дать полный и исчерпывающий перечень таких нарушений в принципе невозможно. Однако, понимая, что такое допустимость и для чего существует это свойство, можно сформулировать два общих критерия существенности нарушения [41, с. 95].

Во-первых, существенным должно быть признано любое нарушение, допущенное при получении доказательств. Примеров можно привести множество. Но имеет смысл ограничиться двумя. Так, известно, что при

допросе любого участника уголовного судопроизводства следователь, дознаватель или суд обязаны разъяснять допрашиваемому положения ст. 51 Конституции Российской Федерации, предусматривающую право каждого, независимо от процессуального статуса, отказаться отдачи показаний против себя самого, своего супруга или близкого родственника [23].

Если это право разъяснено непосредственно перед началом допроса не будет — это существеннейшее нарушение Конституции, невозможное в дальнейшем, так как повторный допрос этого лица будет уже самостоятельным следственным действием, показания, данные в ходе первоначального допроса, должны признаваться недопустимыми [35, с. 96].

Другими примерами таких нарушений могут явиться случаи производства следственных действий, производимых по судебному решению, без судебного решения, в отсутствие обстоятельств, не терпящих отлагательства, производство следственного или иного процессуального действия с применением насилия, действий, унижающих честь и достоинство участников уголовного судопроизводства, непредоставление права пользоваться услугами защитника при получении доказательств и др.

Во-вторых, существенными могут рассматриваться и другие нарушения, которые влекут сомнения в достоверности доказательства, не устранимые в процессуальном порядке.

Примерами таких нарушений может быть производство опознания лица в отсутствие статистов, производство выемки с незаконным составом понятых или в их отсутствие, когда выемка должна производиться с их участием (ч. 3.1 ст. 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), оформление результатов данного следственного действия протоколом другого следственного действия (например, следователь фактически провел следственный эксперимент, но оформил результаты протоколом осмотра места происшествия), отсутствие в протоколе следственного действия подписи следователя или дознавателя, отсутствие протокола следственного действия вообще и др. [24, с. 89].

Очевидно, что в вышеуказанных случаях повторное процессуальное действие либо невозможно, либо это будет совершенно самостоятельное следственное действие. Однако сразу нужно отметить, что большинство процессуальных нарушений формы получения доказательств по уголовному делу вполне устранимо, а поэтому, еще раз важно подчеркнуть, каждое такое нарушение должно быть оценено и по возможности предприняты меры по его устранению.

2.2 Относимость как свойство доказательств

Относимость — это свойство, характеризующее содержание доказательства, то есть сведения, содержащиеся в нем.

В самом общем виде относимость можно определить, как наличие объективно существующей связи между доказательством и обстоятельством, подлежащим доказыванию по уголовному делу. По сути, относимость - это качество, определяющее способность доказательства что-либо доказать или опровергнуть по уголовному делу [22, с. 230].

Установление относимости доказательства по уголовному делу в своей основе заключается в разрешении субъектом доказывания двух вопросов:

- относятся ли факты, устанавливаемые или опровергаемые этим доказательством, к числу обстоятельств, подлежащих доказыванию, или обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела;
- способно ли данное доказательство их установить или опровергнуть.

Относимость доказательств при так называемом прямом доказывании всегда очевидна, а следовательно, ее выявление в этом случае не вызывает особых затруднений. Прямое доказывание имеет место в таком случае, когда данное доказательство непосредственно (то есть прямо) указывает на любое доказательство, подлежащее доказыванию.

Например, такое доказывание имеет место в случаях получения признательных показаний непосредственно от обвиняемого или уличающих

показаний от потерпевшего или очевидца преступления, заключения эксперта, подтвердившего причину смерти потерпевшего, документа, подтверждающего обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, и др. Другой вопрос, являются ли эти доказательства достоверными, но как уже установлено, сама по себе относимость еще не предопределяет достоверности доказательства.

Гораздо сложнее установить относимость при косвенном доказывании. Следует определить, что при косвенном доказывании данное доказательство не указывает непосредственно на обстоятельство, подлежащее доказыванию.

Связь данного доказательства с этим обстоятельством осуществляется через обстоятельство, имеющее значение для дела. Вот в этих случаях установление относимости доказательств связано с очень большими затруднениями. Сразу нужно отметить, что относимость косвенных доказательств всегда неочевидна. Относимость косвенных доказательств устанавливается путем выявления относимости того обстоятельства, имеющего значение для дела, которое они устанавливают, к обстоятельствам, подлежащим доказыванию [27, с. 193].

Например, в Уголовно-процессуальном кодексе РФ имеется понятие алиби, то есть факт нахождения подозреваемого или обвиняемого в момент совершения преступления в другом месте. Имеют ли доказательства, подтверждающие данный факт, относимость к событию преступления? В буквальном смысле — никакого. В уголовном деле обычно устанавливаются исключительно обстоятельства события преступления, а при доказывании алиби доказывается факт того, что обвиняемый, наоборот, никакого отношения к событию преступления не имеет.

Однако в силу того, что данное доказательство опровергает ошибочно выдвинутую версию по уголовному делу, оно должно быть признано относимым. В противном случае неотносимыми являлись бы все доказательства, опровергающие версии, выдвинутые обвинением по уголовному делу [29, с. 189].

Безусловно, обладают свойствами относимости и так называемые проверочные доказательства, то есть доказательства, при помощи которых можно проверить достоверность того или иного доказательства по делу.

Примером может послужить ситуация, когда следователь, усомнившись в достоверности показаний свидетеля, проводит ряд следственных действий по выяснению отношений, сложившихся между свидетелем и обвиняемым.

Содержание этих отношений в принципе никакого значения для уголовного дела иметь не может. Однако с учетом того, что этими доказательствами следователь может подтвердить достоверность показаний свидетеля, которые обладают относимостью, и проверочные доказательства также относимы.

Наконец, в литературе и практической сфере спорными остаются вопросы относительно того, можно ли рассматривать в качестве относимых доказательств так называемые доказательства поведения и подобные факты [14, с. 68].

Имеет смысл рассмотреть эти категории по порядку. Под «доказательствами поведения» в литературе обычно рассматривают сведения о таких действиях обвиняемого, как попытки скрыться от следствия или суда, воздействовать на свидетелей, потерпевшего, отказ от дачи показаний, отказ от сотрудничества с органами предварительного расследования и судом и т.д. В общем, все то, что дает следователю, дознавателю или суду предположить, что «дыма без огня не бывает» [34, с. 95].

То, что касается этой группы «доказательств», есть абсолютная убежденность, что никакой относимости этих обстоятельств к обстоятельствам уголовного дела нет. Причины подобного поведения обвиняемого могут быть различными, начиная от естественно стрессовой ситуации, которой применительно к обвиняемому или подозреваемому, безусловно, является любой случай производства по уголовному делу, и заканчивая неправильной оценкой ситуации со стороны обвиняемого [15, с. 80].

Указанные выше данные могут быть основаниями, например, для избрания меры пресечения или ее изменения на более строгую, но никакого отношения к событию преступления и иным обстоятельствам, подлежащим доказыванию, эти доказательства не имеют.

Несколько иначе нужно относиться к «подобным фактам». Такими фактами, например, является схожесть способа совершения преступления, использованных орудия, средств, оборудования, выбора жертвы, места, времени и других обстоятельств преступления [33, с. 228].

Совершенно очевидно, что эти доказательства принципиально отличаются от «доказательств поведения». Схожесть обстоятельств нескольких преступлений - фактор объективный и при этом связанный с событием преступления [39, с. 174].

Отсюда вывод: их можно рассматривать в качестве доказательств с косвенной относимостью. Однако следует помнить, что, сколько бы их ни было, основывать на них вывод о виновности не допустимо. Их использование возможно только в качестве дополнительных доказательств, подтверждающих виновность наряду с другими.

Подводя итоги второй главе исследования, необходимо прийти к выводу, что концептуальное значение перечня видов доказательств в уголовном процессе, детерминированное методологией диалектического материализма, нельзя рассматривать в отрыве от принципа свободы оценки доказательств.

При создании исчерпывающего перечня видов доказательств цель законодателя - упорядочить средства уголовно-процессуального познания в соответствии с теми закономерностями, которые очевидны на современном этапе научно-технического прогресса. Но на все времена и казусы невозможно предусмотреть все нюансы, как нельзя подобрать панацею от всех бед.

Относимость косвенных доказательств изначально не очевидна, ее выявление осуществляется только путем наращивания количества доказательств по делу, подтверждающих содержание друг друга.

Глава 3 Актуальные проблемы относимости и допустимости доказательств

3.1 Проблемные вопросы свойств доказательств в уголовном процессе

Российская система уголовно-процессуального доказывания с ее формальной (процедурной) стороны, напротив, преимущественно статична, изменяется очень взвешенно и редко и только путем изменения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [8, с. 90].

Но правовое регулирование уголовно-процессуального доказывания при помощи законодательного закрепления исчерпывающего перечня видов доказательств имеет свои сложности. Закон подчас не столь динамичен, как стремительно развивающиеся технические и иные возможности фиксации информации. Исчерпывающе определить законодательным путем все возможные достоверные информационные каналы - задача не из легких. И даже в преобладающих, десятилетиями действующих правовых институтах находятся противоречия [34, с. 97].

К примеру, одним из оснований задержания подозреваемого является ситуация, когда «лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения» (п. 1 ч. 1 ст. 91 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) [43].

Данная криминалистическая ситуация отражена в законе в качестве альтернативы двум другим, в одной из которых задействованы потерпевшие и очевидцы, а в другой - фиксируются следы на теле и одежде подозреваемого либо в его жилище.

Как в случае с очевидцами, так и со следами на теле или одежде либо в жилище лица, способы фиксации, в общем, очевидны и вполне отражены в ч. 2 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (протоколы допросов, освидетельствования, обыски, заключение эксперта). Иначе дело

обстоит с ситуацией, когда преступник застигнут при совершении (или сразу после совершения) преступления. Очевидцев этого события, помимо сотрудников правоохранительных органов, может и не оказаться [13, с. 23].

Самых сотрудников органа дознания или предварительного следствия, осуществивших задержание, допрашивать недопустимо, поскольку в российской концепции уголовно-процессуального доказывания от лиц, ведущих процесс, не могут исходить доказательства (доказательства ими формируются) [36, с. 67].

В протоколе задержания указываются «дата и время составления протокола, дата, время, место, основания и мотивы задержания подозреваемого, результаты его личного обыска и другие обстоятельства его задержания» (ч. 2 ст. 92 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

В то же время фиксация картины преступления требует всех возможных средств (и вербальных, и невербальных), а составление протокола дает лишь часть из них. О возможности применения технических средств фиксации (видеозаписи, фотографирования) для приложений к протоколу задержания вообще можно лишь догадываться по смыслу закона. Конечно, в случае необходимости здесь же производятся осмотр места происшествия, освидетельствование [26, с. 54].

Но все же эти действия не отражают динамики механизма происшествия, предполагаемой задержанием при совершении преступления.

По буквальному толкованию закона, на которое по идее рассчитан исчерпывающий перечень доказательств, протокол задержания не относится ни к одному из пунктов ч. 2 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Ближайшим по смыслу является п. 5 «Протоколы следственных и судебных действий», но задержание буквально к следственным действиям не относится. Основная цель задержания - ограничить задержанного в свободе передвижения и обеспечить его участие в уголовном процессе в качестве подозреваемого [18, с. 1].

Как минимум ситуация, предусмотренная п. 1 ч. 1 ст. 91 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения), вызывает второе значение задержания, заключающееся в фиксации картины преступления посредством протокола этого действия.

Здесь бы и сделать вывод о доказательственном значении протокола задержания и о разнообразиях средств фиксации при этом. Однако Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не относит задержание к следственным действиям. К такому выводу приводит комплексный анализ его норм.

Правовые положения о задержании помещены в IV разделе Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «Меры процессуального принуждения», задолго до ст. 166 («Протокол следственного действия»), предваряющей нормы о следственных действиях. Следственным действиям посвящены гл.гл. 23-27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [43].

Законодатель использует понятие «следственные действия» в предваряющих эти главы ст. ст. 164 («Общие правила производства следственных действий») - 170. Исключением стало включение в ст. 170 («Участие понятых») отсылки к ст. 115 («Наложение ареста на имущество»).

Однако данное исключение не изменило концепции следственных действий как поисковых, познавательных, рассчитанных на получение и фиксацию доказательственной информации, а не любых действий, производимых следователем.

Л.И. Лавдаренко отметила, что в новом Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации «следует обратить особое внимание на общие правила производства следственных действий (ст. 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), порядок получения судебного разрешения на следственные действия, затрагивающие

конституционные права и свободы человека (ст. 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации)» [25, с. 6].

На задержание с поличным изначально рассчитаны такие оперативно-розыскные мероприятия, как оперативный эксперимент и проверочная закупка.

Исходя из их процессуальной природы в результате оперативного эксперимента и проверочной закупки происходит задержание лица, застигнутого при совершении преступления или непосредственно после его совершения, чем лицо ставится в положение подозреваемого.

Даже кратковременное задержание, на считанные часы или минуты (когда человека просят остаться и дать объяснения), дает основание составить протокол задержания и внести в него данные об обстоятельствах задержания.

Эта трактовка связана с востребованностью второго, неявного значения протокола задержания - значения в качестве процессуального акта фиксации доказательственной информации при задержании с поличным.

В продолжение темы противоречий буквы закона, предусматривающей исчерпывающий перечень видов доказательств, следует отметить понятие показаний. В соответствии со ст. 79 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации («Показания свидетеля») «показания свидетеля - сведения, сообщенные им на допросе, проведенном в ходе досудебного производства по уголовному делу или в суде в соответствии с требованиями статей 187 - 191 и 278 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [29, с. 95].

Свидетель может быть допрошен о любых относящихся к уголовному делу обстоятельствах, в том числе о личности обвиняемого, потерпевшего и своих взаимоотношениях с ними и другими свидетелями». Об очной ставке, предъявлении для опознания, следственном эксперименте, проверке показаний на месте здесь ничего не говорится.

И в то время как предъявление для опознания и нередко следственный эксперимент производны от показаний и дополнительно фиксируют их

важнейшие части во всей детальности, подробности и проверенной точности, проверка показаний на месте по определению является средством адаптации показаний к процессу доказывания и их усложненной фиксации. Очная ставка - это и вовсе действие по получению показаний.

Однако в разделе о доказательствах буквально (имея в виду определение понятия показаний и отсылочные нормы) это действие отнесено к ст. 83 «Протоколы следственных действий и судебного заседания».

«Следует сказать также, что на практике, к сожалению, достаточно часто встречаются случаи, когда при соблюдении всех требований УПК РФ доказательства могут являться де-факто недопустимыми, так как в процессе их получения грубо нарушались конституционные права граждан. В качестве примера, можно привести факты о применении психологических пыток сотрудниками РУВД Советского района г. Казани, а также подобные должностные преступления, выявленные в начале 2017 года в городе Пыт-Ях в Ханты-Мансийском автономном округе –Югре. Сотрудники ОМВД г. Пыт-Ях на протяжении долгого времени практиковали применение к задержанным пыток.

При этом следует сказать, что в обоих случаях преступниками неукоснительно соблюдались требования УПК при оформлении следственных действий, а жертвам наносились повреждения, наличие которых при проведении экспертизы было крайне тяжело доказать.

При анализе обоих случаев должностных преступлений, можно заключить, что, несмотря на вопиющие нарушения конституционных прав, следственные действия, производимые должностными преступниками (естественно имел место факт утаивания преступниками некоторых «подробностей») были оформлены надлежащим образом, в соответствии с требованиями УПК РФ, и поэтому являлись допустимыми доказательствами, до момента установления фактов наличия должностных преступлений в РУВД Советского района г. Казани и в ОМВД города Пыт-Ях в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. Наличие подобного рода преступлений ставит под

сомнение целесообразность существования норм УПК РФ, касающихся недопустимости доказательств, так как имеют место факты нарушения конституционных прав граждан при соблюдении требований УПК РФ, что вступает в противоречие с вышеуказанной позицией Пленума Верховного Суда РФ» [8, с. 90].

Получается, что сложнейший порядок судебного следствия в части обеспечения непосредственности получения показаний, а также правила, предусмотренные п. 1 ч. 2 ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о недопустимости показаний подозреваемого, обвиняемого, относятся только к показаниям, полученным в ходе допроса. На показания и объяснения, данные в ходе следственных действий и даже очной ставки, распространяются правила о протоколах следственных действий, а не о показаниях.

3.2 Проблемы института недопустимости доказательств в уголовном процессе

Статья 75 УПК РФ устанавливает, что недопустимыми являются доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ. При этом уголовно-процессуальный закон не определяет признаки нарушений этого закона, позволяющие их оценивать в качестве основания недопустимости доказательств. Не предусматривает закон и то обстоятельство, нарушение каких норм УПК РФ приводит к признанию доказательств недопустимыми и их исключению из числа доказательств [24, с. 90].

Отсутствие в законе условий для оценки того или иного нарушения уголовно-процессуального закона в качестве основания для недопустимости доказательств на практике приводит к тому, что данный институт применяется редко, а в случаях применения его норм в решениях о признании доказательств недопустимым не указывается, почему то или иное нарушение норм УПК РФ привело к юридической ничтожности доказательства.

К недопустимости доказательств должны приводить нарушения гарантированных законом прав и свобод участников уголовного судопроизводства при сборании доказательственной информации. Представляется, что в любом случае нарушения конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства в УПК РФ должны дополнить собой перечень безусловно недопустимых доказательств, предусмотренных ч. 2 ст. 75 УПК РФ [29, с. 310].

Законодатель пытался при формулировке ч. 2 ст. 75 УПК РФ привести своеобразный перечень так называемых безусловно недопустимых доказательств по аналогии с ч. 2 ст. 381 УПК РФ, однако приведенный перечень является не только недоработанным и половинчатым, но и отражающим при его анализе законодательную несостоятельность данного института.

Однако очевидно, что и тот скупой перечень условий допустимости доказательств, которые указаны в ч. 2 ст. 75 УПК РФ, играет неоценимую роль на практике, ориентируя правоприменителей не допускать нарушений, обозначенных в ч. 2 указанной статьи. Поэтому одной из первостепенных задач науки уголовного процесса является выработка перечня нарушений требований УПК РФ, ведущих к признанию доказательств недопустимыми при их сборании, проверке и оценке.

Если основываться на понятии оснований признания доказательств недопустимыми, при условии, когда установлен факт нарушения любого предписания закона относительно источника сведений, условий, способов их получения и фиксации неуправомоченным на то субъектом, с нарушением конституционных прав граждан, а также нарушением процессуальной нормы, то первым основанием признания доказательства недопустимым является нарушение предписаний федерального закона относительно источника сведений [34, с. 91].

«Можно привести пример исключения доказательства на досудебной стадии. Прокурор вынес постановление о признании доказательства

недопустимым по факту того, что в материалах уголовного дела имеется протокол допроса эксперта ФИО1., показания данного лица указаны в обвинительном заключении в качестве доказательства, подтверждающего обвинение. В соответствии с ч. 3 ст. 166 УПК РФ в протоколе следственного действия указываются место и дата производства следственного действия, время его начала и окончания с точностью до минуты.

В нарушение вышеприведенных положений уголовно-процессуального законодательства в протоколе допроса эксперта ФИО1 указана дата производства следственного действия 13 октября 2014 г., что не соответствует действительности, поскольку уголовное дело возбуждено 19.04.2016. В связи с этим показания эксперта ФИО1 были признаны недопустимым» [10, с. 68].

Анализ практики уголовного судопроизводства свидетельствует о довольно широком распространении нарушений законности при получении доказательств в ходе предварительного расследования.

Заслуживает внимания и вопрос о допустимости доказательств, переданных в порядке правовой помощи компетентными органами других государств (ст. 455 УПК РФ). Нужно заметить, что оценка представленных в порядке правовой помощи доказательств осуществляется согласно правилам и требованиям УПК РФ. Допустимость доказательств, переданных компетентными иностранными учреждениями, прежде всего означает признание их пригодности для доказывания в уголовных делах согласно УПК РФ.

Законодатель также не разрешил вопрос о том, как поступать с «пустыми» местами, образовавшимися после исключения доказательств из материалов уголовного дела.

Так, С.В. Некрасов называет дела с исключенными доказательствами «полураздетыми», приводя следующий пример из практики: «Как можно признать виновными и о чем мог говорить прокурор, если судья из шести томов уголовного дела исключила пять томов, оставив лишь последний - с протоколами ознакомления обвиняемых с материалами следствия и

обвинительным заключением? А преступники обвинялись в убийстве» [28, с. 46].

По уголовному делу в отношении С., рассматриваемому Ленинским районным судом г. Саранска, адвокат К. заявила ходатайство об исключении из материалов дела целого тома, в котором содержались протоколы выемки во всех почтовых отделениях связи Республики Мордовия почтовых марок на том основании, что подпись понятого, участвующего во всех актах выемки, а их было порядка 20, последнему не принадлежит, о чем обозначенный в протоколе понятой сообщил непосредственно суду в ходе судебного заседания. Суд на этом основании удовлетворил заявленное ходатайство, исключив протоколы выемки из материалов дела как полученные с нарушением закона. Однако по прошествии месяца после выявления данного факта фальсификации доказательств не было предпринято ровным счетом ничего для того, чтобы привлечь лицо, подделывающее подписи понятого, к уголовной ответственности (следователь, производивший расследование по данному уголовному делу, впоследствии получил статус федерального судьи) [17, с. 69]

Однако при решении вопроса об исключении доказательств не надо забывать и о возможности их реанимации, о восстановлении надлежащей уголовно-процессуальной формы как способе сохранения необходимой доказательственной информации. Средством такой реанимации может выступать:

- возвращение уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, которое может производиться в ходе предварительного слушания, для устранения препятствий его дальнейшего рассмотрения судом;
- допрос участников того или иного следственного действия - понятых, экспертов, специалистов - для проверки и оценки законности порядка получения тех или иных доказательств;
- истребование документов для подтверждения либо опровержения необходимых данных;

- повторная и дополнительная экспертизы (ст. 207 УПК РФ);
- направление судом кассационной инстанции уголовного дела на новое судебное разбирательство в суд первой или апелляционной инстанции со стадии предварительного слушания, или судебного разбирательства, или действий суда после вынесения вердикта присяжных заседателей в порядке п. 3 ч. 1 ст. 378 УПК РФ.

С помощью данных механизмов восстанавливается законный порядок завершающей части предварительного расследования, обеспечиваются права и законные интересы участников уголовного судопроизводства и тем самым устраняются препятствия для рассмотрения уголовного дела судом, вынесения законных, обоснованных и справедливых уголовно-процессуальных актов.

Итак, по итогу рассмотрения вопросов данной главы необходимо прийти к обоснованному выводу о том, что в любой системе свободы оценки доказательств (любой страны) есть то, что в определенном случае может быть выше буквального применения уголовно-процессуальной нормы, - это индивидуальные, исключительные признаки достоверности доказательств. Они могут заключаться в подробности видеозаписи, а могут - в согласованности показаний или «криминальной осведомленности» или в чем-то еще, что в обычной жизни считается совпадением, редким и удачным для необходимых выяснений в сложной ситуации.

Буквальное применение раздела Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «Доказательства и доказывание» в части видов доказательств, хотя и требуемое концептуально, иногда связано с выбором меньшего из двух зол. Допустимость доказательств в конечном счете оценивается судом.

Заключение

Современное определение доказательств появилось на основе исследования нескольких концепций доказательств, разрабатываемых представителями науки уголовно-процессуального права на протяжении нескольких веков.

Понятие доказательств дано в ст. 74 Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Единство содержания и формы — свойство доказательств. Сведения об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания, образуют содержание доказательств. При этом значение доказательства имеет не только истинная, достоверная информация об обстоятельствах дела, на основании которой формулируются окончательные выводы, но и любые сведения о существенных для дела фактах, полученные законным путем в процессе производства по делу. В процессе установления истины приходится иметь дело с реально существующей информацией разной степени достоверности.

Отсеивание ошибочных, ложных сведений возможно лишь в результате тщательного исследования всех доказательств.

Руководствуясь требованиями ч. 3 ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, с одной стороны, не всегда и не любое доказательство, которое действительно является недопустимым, можно исключить из процесса доказывания, не указав его в обвинительном заключении (акте, постановлении).

А с другой - не включив соответствующий источник сведений как таковой в обвинительное заключение (акт, постановление), имеется риск утратить допустимые доказательства в виде конкретных сведений, имеющих

значение для правильного разрешения уголовного дела. Данная ситуация, к сожалению, на практике не является исключением в случаях, когда доказательство трактуется только как процессуальный источник.

Анализируемая норма не учитывает указанных деталей и ряда тонкостей, поэтому не позволяет дифференцировать в сложных ситуациях доказательства на недопустимые и допустимые, а следовательно, исключать только те, которые получены с нарушением уголовно-процессуального закона.

С целью исключения ошибок при решении обозначенных вопросов необходимо нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации сформулировать более корректно, учитывая богатый опыт (в том числе и отрицательный), полученный в результате обобщения судебно-следственной практики. Обобщая изложенное, можно предложить внести в уголовно-процессуальный закон следующие изменения и дополнения.

Статью 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации изложить в редакции, предусматривающей, что доказательство, приобщенное к уголовному делу, признается допустимым, пока уполномоченным органом или должностным лицом не принято вступившее в законную силу решение о признании его недопустимым.

Анализ требований ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что законодатель предусмотрел два порядка исключения из процесса доказывания недопустимых доказательств. В ч. 3 указанной статьи предусмотрен порядок, который должен применяться на стадии предварительного расследования, а в ч. 4 – на стадии назначения судебного заседания и судебного разбирательства.

При этом если процедура признания доказательств недопустимыми и их исключения из процесса доказывания на стадии назначения судебного заседания регламентирована достаточно подробно, то применительно к стадии предварительного расследования, судебного рассмотрения уголовного дела по существу, рассмотрения дела в апелляционной инстанции регламентация ее практически отсутствует.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации необходимо дополнить, ст. ст. 75.1 и 75.2, изложив их примерно в следующей редакции:
Статья 75.1. Недопустимые доказательства.

«Недопустимыми являются доказательства, при получении которых допущены нарушения требований настоящего Кодекса, регламентирующих способы, порядок, процессуальные сроки и полномочия органов и должностных лиц, осуществляющих собирание, закрепление и проверку фактических данных и их источников, если эти нарушения вызывают неустранимые сомнения в их достоверности и (или) относимости».

Статья 75.2. Признание доказательств недопустимыми и исключение их из процесса доказывания.

«1. Доказательства признаются недопустимыми и исключаются из процесса доказывания мотивированным решением следователя, дознавателя, прокурора или суда, рассматривающего дело по существу или в апелляционном порядке. В решении указывается, какое именно доказательство и по каким основаниям исключается. Если исключению подлежит часть сведений, содержащихся в соответствующем источнике, то в решении указывается содержание этих сведений, наименование источника, в котором они содержатся, место и время его получения, листы дела. Вопрос о признании доказательства недопустимым и исключении его из дела рассматривается судом в совещательной комнате с вынесением постановления или определения.

2. Признание доказательства недопустимым и исключение его из дела дознавателем производится с согласия прокурора, а следователем - с согласия руководителя следственного органа.

3. Доказательства, признанные недопустимыми на досудебных стадиях производства по уголовному делу, при составлении обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления, не включаются в перечень доказательств, подлежащих исследованию в судебном разбирательстве. Их перечень приводится в списке, прилагаемом к

обвинительному заключению или обвинительному акту (обвинительному постановлению). В судебном разбирательстве доказательства, признанные недопустимыми, не исследуются, на них не вправе ссылаться участники судопроизводства, а суд - учитывать при оценке других доказательств и обосновывать ими выводы в принимаемых по делу решениях.

4. Решение следователя, дознавателя, прокурора о признании доказательства недопустимым и исключении его из дела стороны вправе обжаловать в порядке, установленном главой 16 настоящего Кодекса.

5. При рассмотрении дела по существу законность и обоснованность указанных решений дознавателя, следователя, прокурора, а также решений, принятых по результатам предварительного слушания, могут быть вновь проверены по ходатайству сторон или инициативе суда. Ходатайство о проверке законности и обоснованности данных решений может быть заявлено до удаления суда в совещательную комнату. Решение, принятое судом по такому ходатайству, обжалованию в апелляционном и кассационном порядке не подлежит. Оно может быть проверено по жалобе сторон или представлению прокурора наравне с другими доказательствами при проверке законности, обоснованности и справедливости приговора, постановления, определения суда».

Список используемой литературы и используемых источников

1. Александров А.С., Фролов С.А. Относимость уголовно-процессуальных доказательств: Монография. Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2020. 183 с.
2. Апелляционное определение Московского городского суда №10-6557/2014 от 23.06.2014.
3. Беляев М.В. Предмет и пределы доказывания при принятии решений в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 3 (86). С. 109 - 116.
4. Брянская Е.В. Аргументирующая сила обязательных доказательств в уголовном судопроизводстве России // Российская юстиция. 2016. № 10. С. 53-56.
5. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве / А.Р. Белкин. М. : Норма, 2017. 210 с.
6. Боруленков Ю.П. Теория доказательств и доказывания: о множественности фактов, используемых в доказывании // Библиотека криминалиста. 2017. № 4. С. 131-139.
7. Брянская Е.В. Аргументирующая сила обязательных доказательств в уголовном судопроизводстве России // Российская юстиция. 2016. № 10. С. 110-117.
8. Брянская Е.В. К вопросу о свойствах доказательств в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2018. № 6. С.89-92.
9. Будников В. Юридическая сила доказательств в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2019. № 10. С.20-28.
10. Великий Д.П. Практика применения норм о допустимости доказательств в уголовном процессе // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 67-79.

11. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве / А.Я. Вышинский. М. : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941. 510 с.
12. Григорьев В.Н., Зинченко И.А. Нормы-дефиниции: нужны ли они в уголовно-процессуальном праве (компаративистский взгляд)? // Международное уголовное право и международная юстиция. 2017. № 4. С. 3-10.
13. Галяшин Н.В. Показания с «чужих слов» как производные доказательства в уголовном процессе: монография / Н.В. Галяшин. М. : Проспект, 2017. 410 с.
14. Галяшин Н.В. Проблемы правового регулирования и оценки производных доказательств в аспекте перспективы введения в уголовный процесс института установления объективной истины // Адвокатская практика. 2019. № 1. С. 67-71.
15. Головки Л.В. Конституционализация российского уголовного процесса: между лозунгами и реальностью // Государство и право. 2018. № 12. С. 79-84
16. Головки Л.В. Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев и др.; под ред. Л.В. Головки. М. : Статут, 2016. 189 с.
17. Гордейчик С.А. Новеллы уголовно-процессуального законодательства, расширяющие права адвокатов // Законность. 2017. № 8. С. 67-80.
18. Григорьев В.Н. Нормы-дефиниции: нужны ли они в уголовно-процессуальном праве (компаративистский взгляд)? // Международное уголовное право и международная юстиция. 2017. № 4. С. 3.
19. Громов Н.А. Доказательства, их виды и доказывание в Уголовном процессе: учеб.-практ. пособие / Н.А. Громов, С.Л. Зайцев, А.Н. Гушин. М. : Приор-издат, 2020. 571 с.

20. Зотов Д.В. Пределы доказывания в уголовном судопроизводстве (исследование с позиций разумного формализма) // Журнал российского права. 2016. № 2. С. 105-117.
21. Ишмаева Т.П. К вопросу о юридических свойствах доказательств в уголовном процессе // Вестник ЧелГУ. 2018. № 23 (378). С. 28-31.
22. Ищенко П.П., Ищенко Е.П. Ключевые проблемы уголовного судопроизводства // Lex russica. 2016. № 9. С. 230-241.
23. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
24. Костенко Р.В. Исключение доказательств, полученных с нарушением требований УПК РФ, в ходе досудебного производства по уголовным делам // Общество и право. 2016. № 3 С. 88-92.
25. Лавдаренко Л.И. Амосова Т.В. Проблема обоснования юридической силы доказательств в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2016. № 8. С. 3-7.
26. Мамедов О.Я. Надлежащие субъекты собирания доказательств в уголовном процессе // ЮП. 2017. № 4. С. 53-55.
27. Маслов А.К. Субъекты собирания доказательств в уголовном процессе // Общество и право. 2019. № 2 (24). С. 192-195.
28. Некрасов С.В. Сведения как доказательства в современном уголовном судопроизводстве // Законность. 2017. № 12. С.45-52.
29. Орлов Ю.К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве. Научно-учебное пособие / Ю.К. Орлов. М. : Проспект, 2018.- 390 с.
30. Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР (вместе с «Уголовно-процессуальным Кодексом РСФСР») (Утратил силу): Постановление ВЦИК от 15.02.1923.

31. Пелих И.А. Структура предмета доказывания и ее влияние на пределы доказывания // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 1. С.109-114.
32. Платонова Т.А. Время совершения преступления: проблемы определения // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 3. С. 29 -30.
33. Писарев Е.В. Доказательство как производная доказательственной информации / Е.В. Писарев // Российский следователь. 2017. № 3. С. 221-229.
34. Попов И.А. Актуальные проблемы теории исследования вещественных доказательств: исторический и современный аспекты / И.А.Попов, А.В. Борбат // Российский следователь. 2017. № 18. С. 90-111.
35. Россинский С.Б. Освидетельствование как невербальное следственное действие // Российская юстиция. 2018. № 12. С. 90-100.
36. Селина Е.В. Уголовно-процессуальное значение косвенных доказательств // Российская юстиция. 2017. № 12. С. 66-73
37. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: Основные положения науки советского уголовного процесса. Т. 1 / Строгович М.С. М. : Наука. 2018. 319 с.
38. Теория доказательств в советском уголовном процессе. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. Н.В. Жогин. М. : Юридическая литература. 1973. 308 с.
39. Рогава И.Г., Яловая Д.В. Допустимость как свойство доказательств в уголовном судопроизводстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 2-2. С. 173-175.
40. Рогава И.Г., Кругликова Д.А. Доказательства в уголовном судопроизводстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 1-2. С. 169-171.
41. Скоблик К.В. Достаточность в уголовном процессе как результат взаимодействия законов формальной и диалектической логики // Российский юридический журнал. 2019. № 3. С. 93-102.

42. Стройкова А.С. Допустимость доказательств в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2017. № 1 С. 293-302.

43. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон: от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

44. Якимович Ю.К. Доказательства и доказывание в уголовном процессе России: учеб. пособие / Ю.К. Якимович. Томск : Изд-во ТГУ, 2020. 378 с.